

Игорь КЛЕХ

ПО ДНЕПРУ. MOVIE RIVER

Херсон. Никополь. Плавающие, как трифемы, имена. Но не прекрасно сложенные эллинские, не триединые или многорукые, но четвероголовое, четвероликое брадатое божество – перекрывающиеся профили – смотрело на нас с самых больших стен Никополя.

(Из повести «Диглоссия», 1981)

Автоцитата в эпиграфе, может, и дурной тон, но все так и было. Узрев такую стену, я хватал свою бабу-католичку за подол юбки и волок поскорее с улицы домой, в сильнейшем страхе повторяя: «Сталин, Ленин и два бабая!...» Я не хотел, чтобы они меня украли, как уже украли у меня куда-то родителей. Просто сейчас мне необходимо с чего-то начать этот только с виду путевой очерк, и у меня есть для этого мотив.

Получив предложение поучаствовать в непонятной конференции в Днепропетровске по случаю двойного юбилея Бруно Шульца – годовщин рождения и гибели польско-еврейского писателя, похожего на Кафку и Бабея одновременно, – я не очень этим заинтересовался, пока не всплыло, что поездка может обернуться плаванием по великой реке «из варяг в греки». Бог с ним, с древнерусским Борисфеном, а тем более с российско-украинским литературным агитпароходом, выгуливающим письменников обеих стран по маршруту от Киева до Одессы. На нем мне интересен был только отрезок низовой реки: на шестидесятом году жизни сам собой

представился случай провести неделю в тех местах, где я впервые увидел божий свет и где не побывал с тех пор ни разу. Нечто такое обычно возможно только в снах или в волновавшем меня кино – финальных сценах «Земляничной поляны» Бергмана, Пазолиниевой «Теоремы» или «Последнего танго в Париже». Похожий опыт, впрочем, у меня все же имелся – улётный запах кедровой сосны под Красноярском, раздрызганный «пазик» в бурятской степи, кое-что еще. Будто долгая жизнь вслепую норовит закольцеваться, да промахивается всякий раз. Проклятое призрачное обещание *войти в ту же реку*.

Это всё, что я могу сказать в свое оправдание.

ДНЕПРОПЕТРОВСК

После отлета из Домодедова приземление на летном поле Днепропетровска походило на перемещение из океанского порта на тихую речную пристань и на путешествие во времени лет на двадцать. Еще и небо посерегло, и дождик стал накрапывать. Здание аэро-

порта быстро опустело, но, выйдя наружу, я с облегчением убедился, что меня все-таки встречали. Как и прилетевших тем же рейсом еще двух гостей — преуспевающего ныне телеведущего, а в прошлом литературного критика, и журналиста-выпивоху, подрядившегося поработать летописцем экспедиции, хотя по фактуре и психическому покрою он явно был прирожденным комиком от бога, призванным смешить людей, да как-то не срослось — запудрила мозги кацапская столица.

Нас прямоком отвезли и бросили без чемоданов и паспортов в какой-то кафешке-читальне совершенно западноевропейского вида, куда по ходу встречи подтягивались представители местного еврейства и московского «Мемориала», издатель из Киева и переводчик из Львова, фотографы и телеоператор, читающая молодежь — всего человек пятнадцать, считая хозяина заведения и двух его помощниц, разносивших отменный «эспрессо» в малюсеньких чашечках. Встреча удалась на славу, но о подобных мероприятиях, на которые иногда сходилась человек до полусотни и более того и наделавших немало шума в Интернете, чуть позже.

Поселили нас на бульваре Карла Маркса, в гостинице «Астория», с мемориальной доской на входе, что здесь находился штаб батки Махно в какие-то годы. Пару проведенных в отеле дней мне не давали заскучать шествия демонстрантов за окном — немногочисленные колонны каких-то манифестантов, протестантов и футбольных болельщиков, с плакатами и речевками, под конвоем украинской полиции и в сопровождении мальчишек на велосипедах. Плохо видно за деревьями: кто идет, куда спешат, чего хотят? За кого болеть и кого избирать? Но, может, и Осоавиахим или «Долой стыд!», как в Харькове двадцатых годов. Кажется, это и называется демократией.

Люди не любят впечатлений варяга: мол, залетел, наврал и скрылся, — а мне они по нраву, есть в них все же некоторая свежесть и детское любопытство, если врать не входит в твои намерения. Город мне понравился, но оставил странное впечатление. Он большой и живой, но довольно разный и местами похож на прилично одетого босоногого граж-

данина. Ухоженный и зеленый центр, но в десяти минутах ходу, промахнувшись мимо арт-клуба, оказываешься вдруг на развороченной улочке с развалахами, ведущей в никуда. Говорят, здесь любят Кучму, построившего линию метро, которая связала спальные жилые массивы с вокзалом, то есть не для показухи, и не любят свою «оранжевую принцессу», при которой строительство в городе замерло. За двадцать последних лет город потерял 200 тысяч жителей, и его население уже не дотягивает до миллиона. Отсюда вышло немало энергичных и талантливых людей и еще кое-что осталось. Здесь периодически пытаются что-то представлять и издавать, после чего уезжают или уходят в менеджеры, как когда-то в управдомы. На центральном бульваре на сотни метров растянулся живописный «кичок» с народными промыслами, покуда не вытесненными привозной китайщиной, а пешеходная Европейская площадь, с каруселью и уличными концертами, допоздна переполнена студенческого вида молодежью. Правда, были выходные и конец мая.

На реке нас ждала большая моторная яхта «Романтик», спущенная на воду в начале восьмидесятых, побывавшая дорогостоящей в эксплуатации игрушкой какого-то из киевских нуворишей (по уверению капитана, чуть не сто долларов за километр пути) и потому сдаваемая теперь в аренду. Но это судьба всего речного и морского флота не только Украины, и притом еще далеко не худшая. На судне не без комфорта, в его советском понимании, могут путешествовать два-три десятка человек, если большинство гостей будут ночевать в гостиницах на берегу. Поэтому для удобства речную «Литературную экспедицию» (как гласили растяжки на борту) сопровождал посуху автобус с чемоданами пассажиров. На судне имелся десяток тесных, как в поезде, каюток для экипажа и obsługi камбуза, где нашлось место также для сетевого летописца и особо неутомимых гостей. Были еще тесный, как в вагоне-ресторане, камбуз, совсем уж тесный, как в самолете, гальюн и небольшая кают-компания на случай непогоды. Зато на верхней палубе под тентом радовала глаз подготовленная к приему гостей «поляна» — со столом во всю длину, стульями и неогра-

ниченным запасом провизии и напитков на любой вкус. Свежий встречный ветер, меняющиеся виды и непрестанное, однако ненавязчивое общение всех со всеми. Литераторы, журналисты, историки, переводчики, издатели, знаменитый московский актер с дочкой и модный лингвист, сменивший успешного киносценариста, нашедшего на предыдущем этапе новую жену-киевлянку и сошедшего с ней на берег, питерский преферансист-затейник, киевские фотограф и видеооператор, целый штат кураторов и менеджеров, кто-то всей семьей с малыми детьми, — чем не мирок и передвижной театр с видимостью некоей миссии на великой реке? Кто-то где-то исчезнет вдруг и больше не появится, кто-то где-то присоединится и побудет сколько-то времени со всеми, но и он, в свою очередь, исчезнет, как и я сам вскоре. Мало кто проделает весь путь от Киева до Одессы. Да и само судно из-за непригодности к морскому переходу дойдет только до Николаева.

В первый вечер в Днепропетровске вновь прибывших познакомят с пароходом на причале пристани. В кают-компании историки устроят круглый стол-междусобойчик и азартно примутся шить, кроить, обметывать или вышивать — кто-то крестиком, кто-то гладью — свой предмет, очень похожий на новое платье короля. Снаружи дождило и дул ветер. Опрокинув рюмку-другую, я поднялся на верхнюю палубу и осмотрелся.

Берега реки связывал двухъярусный железный мост на заклепках, ровесник Эйфелевой башни, по которому внизу тащился товарняк, а наверху в обратном направлении полз троллейбус с рожками. У берега на приколе пара таких же, как наша, моторных яхт, только покрупнее, поновее и побогаче. Ниже по течению стадо отвернутых от водопоп портальных кранов мелового периода, и возвышается над окрестным миром лишенный всяких признаков жизни голубоватый и ступенчатый, как в Эмиратах, небоскреб на повороте реки.

Наверное, дело было и в погоде тоже, но малолюдность наших великих рек не перестает меня поражать. Куда подевались тридцать тысяч лихих днепропетровских моторок советской поры, ревивших выхлопами по выходящим и отчасти нетрезвым? Где проклинав-

шие их яхтсмены и байдарочники? А также всенародно любимые «Ракеты» и «Кометы» на подводных крыльях, эти летучие призраки уже совсем близкого коммунизма? Бензин, что ли, стал не по карману? Ау! Молчит Угрюм-река. Сердится некогда укрощенный людьми Борисфен. Обижен. До самого Херсона, где речной пейзаж несколько оживился, я видел только считанные баржи с буксирами и теплоходы-тихоходы, напоминавшие, чем может и должна быть река.

ВСТРЕЧИ-НЕВСТРЕЧИ

Труднее всего на встречах и выступлениях отвертеться от подаренных графоманами сочинений, которые обречены оставаться в забытых гостиничных номерах, как в абортариях. На залетных почтовых лошадей и вестников прогресса уповают, как когда-то на анналы КГБ, чтобы не кануть в Лету. И стыдно, и совестно, и на душе тяжело, а делать нечего. Приходят же не столько послушать-пообщаться, сколько собственные проблемы субординации решить. Даже когда кажется, что искры высекаются, и люди совсем не спешат расходиться, местные авторитеты норвят расставить все по своим местам и перетолковать, в меру своего понимания, чтобы приструнить распутившуюся паству. Разве что в студенческих аудиториях бывает чуть иначе — молодежь призадумается, но сетевой летописец переврет с бодуна все с точностью до наоборот, и пойдет гулять брехня по селу.

Какие-то поэты в плащах с поднятыми воротниками, какой-то нервноболевой аспирант на встрече с лингвистом, складно говорившим о русском языке на грани нервного срыва, какая-то пишущая девица, затевающая поэтический фестиваль на деньги мужа, а также совписовские, траченные молью зубры, преподаватели журналистики и матроны, издавшие сборничек-другой, — кому из них и зачем нужна литература? Да и какая это литература, — не горячая и не холодная, а едва теплая, — которую читать уже никто не хочет? Я зол, Господи, и наверняка, неправ.

Однако был с нами усталый пожилой актер, на уже непослушных ногах, с головой, похожей на череп, с дочерью-школьницей.

Так вот, он по ходу выступления, оживал сам и зажигал зал: в Днепропетровске в арт-кафе, в Запорожье в переполненном театре. Я никогда не видел, чтобы кто-то из писателей так выкладывался и так зажигал. Но ведь актер читал не свое, а писателей — от Гоголя до Довлатова! И более того — с помощью чужих слов пытался думать и подвигнуть думать зал, за что тот любил его и вибрировал в ответ, — а вовсе не за то, что знаменитость.

Перед отплытием из Днепропетровска он, с не меньшей отдачей, прочитал забытую юмореску Арк. Аверченко о судьбе книжек в Советской России — злопыхательскую тогда и злободневную сегодня. Дело было на причале, где пополнению экспедиции вручались тельняшки, моряцкие фуражки с кокардой и пиратские косынки с дружеской символикой, и говорились спичи с какого-то пенька или бочонка. Летописцу его фуражка показала недостаточную солидность для такого случая, и он одолжил белоснежную фуражку у капельмейстера духового оркестра, проводившего экспедицию в путь. Под бравурные звуки оркестра, как на плацу, он произвел строгий смотр нестройных рядов соратников и паузы держал не хуже актера. В адмиральской фуражке — при обвисшем пиджаке, в мешковатых джинсах и стоптанных башмаках — он более всего походил на Остапа Бендера, примеряющего на себя роль управдома. Затем были танцы, оркестр врезал туш, все быстро загрузились, убрали трап, отдали швартовы, и корабль отплыл.

Так началось утро третьего дня. Распогодилось, солнце сияло, на ветру трепетали привязанные к палубным перилам ленточки триколора и желто-блакитные. Стол был тесно уставлен бутылками. Их откупорили, и совсем скоро над разливом реки понеслись песни кондового советского и дворового «розлива» в исполнении дуэта — киевского толстенького журналиста, дирижировавшего вилоккой, и московского астеничного телеведущего. Коронный номер московских концептуалистов и украинских постмодернистов где-нибудь в Германии. Одинокий поющий пароход — душераздирающая картина, и хочется подпеть, да жалко песню портить.

Капитан, выглянув из рубки, представился, послушал-поулыбался и на всякий случай попросил пассажиров не выходить на корму с невысоким бортиком, — где палуба дрожала, закладывало уши и несло горелой соляркой, — а также не трогать рукояток непонятных приспособлений, чтобы не спустить вдруг якорь на полном ходу, бывало и такое.

ЗАПОРОЖЬЕ

Город, как внешность или пол, — это судьба, с которой можно не соглашаться, но невозможно ее отменить.

Скопление дымящих труб на левом берегу видно было издали. Металлургические и прочие заводы прятались в облаках подвешенного дыма, как в козацких шароварах. Река была заперта невысокой с виду плотиной. Описав долгую плавную дугу, пароход причалил. На берегу его уже поджидал автобус.

Запорожье производило впечатление крепкого, как Тарас Бульба, но состарившегося приземистого города, где сегодня на двух работающих приходится один пенсионер, а убыль населения такая же, как в промышленно-ракетном Днепропетровске: за двадцать лет — процентов на пятнадцать. Центральная улица Ленина очень походила на сильно вытянутый в длину киевский Крещатик, из-за чего уменьшилась этажность домов, построенных пленными немцами с тяжеловесной основательностью по градостроительному проекту вездесущих братьев Весниных, — в духе советских фантазий на тему итальянского Ренессанса: с топорными кургузыми башенками, лепным декором, плиточным орнаментом, обилием арочных ниш на фасадах и прочими нефункциональными «излишествами». В принципе, может, таким и должен быть город советских металлургов — построенные по тем же лекалам здания, но уже районного пошиба, я видел в подмосковной Электростали, куда в начале войны эвакуировали с Донбасса краматорские заводы.

Как жить в такой эстетике в неузнаваемо изменившихся условиях — бог весть. А выход есть, и это был для меня хороший урок: в сказке. Какой контрастный душ — за сталинскими фасадами вдруг хайтековские интерьеры и

зеркальные призмы лифтов, как в гостинице «Театральная», например, что в начале бесконечной центральной улицы, рядом со зданием театра, отпугивающим театралов одним видом своих тяжеловесных колонн и портика. Другая сказка на противоположном конце этого запорожского перпендикуляра к реке — бонапартистский ресторан «Консул», глядящий на набережную со статуей Ильича. Над входом в ресторан — вензель «N», внутри — громадный парадный портрет французского императора в лосинах и арочная фреска в нише, где он на лошади во главе войска громит мамелюков на фоне Александрии или Акко (кстати, так и не взятой им крепости): пальмы, верблюды, дымы, море, маяк вдали и фелуки под парусом. У стены с фреской томилась вымуштрованная юная прислуга, готовая упреждать малейшие пожелания клиентов. Устроивший прием корейский мэр Запорожья с бокалом в руке произнес спич и повел рассказ об оккультных местах силы, здешних арийских захоронениях и мотивах восточного похода Гитлера. Ну уж, такой «сказки в сказке» в местах, полных нашенской кровью, я не стерпел. Красноармейский десант отбил плацдарм на правом берегу и сорок пять дней сдерживал натиск врага, чтобы рабочие успели демонтировать и вывезти оборудование заводов на восток, а цеха взорвать. Там и полегли тогда все до единого, а сегодня здесь нам станут петь арии об «ариях» и оккультизме с чужого голоса, и кто?! После чего мэр на всякий случай подсел ко мне, чтобы выяснить, насколько я могу быть ему опасен, и успокоился — да не опасен совсем, просто выпил лишнего, наверное, и плохо воспитан.

Зато на следующий день этот самый мэр устроил всем желающим экскурсию в потрясающий музей оружия при оружейном магазине, находящемся в паре кварталов от бонапартистского ресторана. И это была уже другая и куда более увлекательная сказка. Владелец огромного двухэтажного магазина, хорошо воспитанный местный еврей и приятель мэра, за двадцать лет капитализма и украинской «незалежности» собрал уникальную коллекцию исторического оружия, лучше которой я в жизни не видел. Как и повсюду, сабли-копья-рушницы-пушки-пулеметы, кото-

рых достало бы на всю Запорожскую Сечь с полком махновцев в придачу, но здесь же — вбитые в колоду топоры и секиры западноевропейских палачей, устрашающие булавы и палицы с шипами, острейшие самурайские мечи и обсидиановые ножи, как у ацтекских жрецов, внушительных размеров колотушка чукотского шамана из всем известной моржовой кости, отсутствующей у мужчин, какие-то зверские кастеты с лезвием и крючьями и «тигриная лапа» индийских гладиаторов, похожая на рыцарскую перчатку с длинными загнутыми когтями, как у женщины-кошки в американском кино, — только не киношный реквизит, а реальное бойцовское оружие всего-то столетней давности. Боже, этот человек, начав с малого, лично собрал в поездках по всему свету образцы оружия всех эпох, чтобы выставить это несметное богатство в родном тесном Запорожье! Какие-то контакты у него налажены с такими же, как и он, в других странах; свой сайт и журнал с подобием «ученых записок»; бригада местных умельцев на подряде, воплощающих какие-то его оружейно-кукольные фантазии — от эротических аллегорий до целого игрушечного шахматного города, с флорентийской мозаикой, резными каменными «наэчке» козацких и басурманских воинов и скрытым механизмом для выдвигаемых ящиков с фигурами.

В этот магазин-музей нас отвез автобус после Хортицы с новоделом Запорожской Сечи, которой на этом двенадцатикилометровом острове, поросшем коноплей, никогда не было. Располагалась Сечь на острове Малая Хортица и еще в пяти-семи местах выше по течению, в районе Никополя и Каменки. Первые «сечи» — то есть промысловые засеки, со временем превратившиеся в укрепленные лагеря прежних вольных охотников и рыбаков, — долго были сезонными. Пережить зиму в голой, студеной и голодной степи без серьезно обустроенного поселения с припасами было невозможно. Те, кто пытался варить в котлах найденные кости павших животных, очень скоро оставляли свои собственные зимовать в степи. Сечи кочевали и перекочевывали, пока не объединились в подобие маленького, работающего и очень воинственного государства. Некое современ-

ное представление о нем и было воплощено на рубеже столетий всего в нескольких километрах от Днепрогэса: масштабный муляж, декорация и разновидность «скансена», исторического музея построек и сельского быта на пленэре, — и это замечательно все же.

Смешную и трогательную историю рассказал мне львовский приятель, плававший с галичанами на похожем новоделе — на козацкой «чайке» от Киева до Амстердама и обратно. Когда эти ряженые пристали к берегу вблизи Запорожья, сельские жители от неожиданности обалдели, и какая-то девочка в восторге давай тащить свою бабушку за подол к реке: «Бабця, бабця, дывись, яки до нас панки прыйихалы!» На что старуха, с глазами на мокром месте, отвечала ребенку: «Дытынко, то наши козаки повэртаються». Так ли иначе, но дух козацких преданий прямо-таки витает здесь в воздухе.

В огороженном частоколом скансене на Хортице, — с кассой и туалетом у входа, церковью в стиле деревянной готики, белеными расписными хатами, с нахлобученными соломенными крышами и мальвами под окном, — в одной из таких хат в сувенирном магазинчике продавалась любимая мною керамика карпатских гуцулов. С ходу купив большой пивной «кухоль» с орнаментом, я не смог удержаться, чтобы не взять для комплекта также изделие местного шутника — похожей формы глиняную кружечку емкостью 20 мл с надписью «*Зав'язав*», что на третий или четвертый день путешествия было уже совсем не лишним.

Но главное — отсюда открывался вид на седые древние пороги, которые пощадил нависавший над ними Днепрогэс. Вот и все, что осталось от стокилометрового бешеного скального каньона, где тыщу лет назад потерял свою выскобленную саблей голову с «оселедцем» киевский князь Святослав, возвращаясь из похода «на вы», и где поганый печенежский вождь велел сделать себе из черепа русского князя золоченую чашу для пиршеств. Эти несколько облюбованных сегодня бакланами каменных островков — поразительной красоты изваяния природы. Чего не скажешь о нынешнем виде плотины Днепрогэса, чья изумительная дуга очень потеряла

от утилитарных и, видимо, крайне необходимых пристроек с обеих сторон. Испытываешь совершенно детское разочарование, когда эта рукотворная Ниагара, всем известная по знаменитым кадрам советской кинохроники, вдруг оказывается сухой. Вода, повертев турбины, вытекает из щелей внизу плотины и падает с высоты только раз или два в году, когда спускают излишек воды из водохранилища — и то всего лишь по двум-трем из без малого тридцати бетонным скатам. Запорожцы с нетерпением ждут такого сброса вспененной воды, кишащей оглушенной рыбой, и выходят на уцелевших плавсредствах подбирать ее руками или черпать подсаком с поверхности воды — настоящий «рыбный день» в городе металлургов.

В остальное же время сегодня на Днепре редко увидишь рыбацкую лодку, а с причалов ловят повсюду до самого устья всякую пузатую мелочь вроде «пузанка», который здесь почему-то в цене. И ловят не для кошек, я разговаривал с рыбаками, — а для пропитания или же из азарта и от безделья.

Так что «Запорожье» — название правильное, не то что у Днепропетровска, долго бывшего Екатеринославом и ставшего еще при царизме Новороссийском, а Днепропетровском был назван в честь какого-то позабытого большевика¹ (как Сергиев Посад или нынешний Тутаев на Волге — не говоря уж о Симбирске, Самаре, Нижнем Новгороде, Рыбинске, Царицыне и о городе на Неве), так что его обитатели предпочитают называть свое местожительство, для краткости и по существу, просто «Днепр», что выглядит посягательством, а звучит как пароль для посвященных. Реки и горы все же пока никто не удосуживался переименовывать.

Между тем Днепрогэс — сооружение интересное, и городские власти устроили нам туда экскурсию. Призвали ветерана-пенсионера (место-то по-прежнему режимное, строго охраняемое) и завели нас на территорию. Сразу за проходной — чудесный парк с пышными кронами, разбитый на выжженном солнцем склоне. Надо отдать должное крупным советским директорам, которые в самые трудные годы вели себя на своих объектах как просвещенные магнаты. Их за-

боту и ныне на себе собаки ощущают, устраивающиеся поспать днем в тенёчке, как везде на юге. Пустынный машинный зал с гигантскими турбинами производит внушительное и немного тревожное впечатление. Электричество такой мощи и в таком количестве беспокоит и пугает. Говорят, здесь есть места с десятками миллионов вольт, к которым нельзя приближаться и на несколько метров, чтобы не распасться на молекулы, но нас к ним близко и не подпускали и даже не показывали. Рабочая смена всего из двух десятков человек с несколькими операторами в компьютерном зале привычно справляется со всем этим хозяйством, питающим энергией и светом весь юг Украины. Это хозяйство недавно опять включили в единую энергетическую сеть — с регулярными приливами, отливами и пиками напряжения, но и руководят им теперь из Киева, что слегка удручает местных энергетиков. Бетонную плотину Днепрогэса в войну никто всерьез не взрывал или не успел взорвать — пострадало лишь оборудование машинного зала, когда наши отступали отступавшая сторона. Большие черно-белые фотографии драматических перипетий истории станции, от которых становится почему-то тяжело на сердце, вывешены в одном из боковых залов, неподалеку от раздевалок с душами и туалетами. А на крыше станции — целая индустриальная роща каркасных мачт и великанских изоляторных катушек, опутанная проводами, больше похожими на тросы, а также огороженная терраса с видом на водохранилище и на реку далеко внизу, с живописными остатками порогов и «новоделом» Сечи на холме. Днепрогэс глядит на нее — она на него, а бакланы на островках заняты своими собственными делами. Река течет, вырабатывая электричество, трубы дымят, судоходство почти на нуле, но не совсем. И наутро мы получили тому неопровержимое подтверждение.

ШЛЮЗОВАНИЕ, КАК У ДАНТЕ, И НЕБО, КАК У МИКЕЛАНДЖЕЛО

Кто-то, кто очень занят, вернулся в Москву и Киев на свое телевидение еще из Днепропетровска; кто-то, кто постарше или поважнее, остался в Запорожье, чтобы побы-

вать на могилах близких; загрустившая переводчица с украинского, родом из запорожского соцгородка, решила доплыть до Одессы, по пути купаясь при всякой возможности, а я, некупанный, намеревался не мытьем так катаньем добраться до Херсона, откуда и куда давно уже не летали самолеты. Законсервированный областной аэропорт осенью должны были лишиться лицензии, если полеты не возобновятся. Так что из трехсотпятидесятилетнего Херсона мне предстояло посуху добраться в полумиллионный Николаев, чтобы вернуться в Москву, не теряя зря времени. Как позднее выяснилось, плоскодонный речной «литпароход» дальше Николаева идти и не собирался, так что заметно потрепанную экспедицию в Одессу доставил автобус, подобно остаткам войска, понесшего потери.

И вот одним прекрасным утром открылись ворота, и наше суденышко заплыло в гигантскую шлюзовую камеру Днепрогэса. Ворота сомкнулись, и процесс пошел. Нечто такое я уже проходил на Волго-Доне в юности, но, как известно, «старость — это Рим, который...». Вода постепенно стравливалась, обнажая почерневшие мокрые стены. Чтобы не биться о них, двигатель суденышка работал на малых оборотах, выпуская клубы выхлопов, так что мало-помалу шлюзовая камера превращалась в газовую, а небо сделалось с овчинку. Циклопические заржавленные стены росли в высоту и, казалось, сжимались. По ним стекала вода, а из щелей ворот, поднявшихся уже чуть ли не на полсотню метров, звучно опали на дно колодца струи воды. Нас словно затягивало в бездонную шахту, ведущую в преисподнюю, но надежда оставалась. И действительно, внизу, у противоположной стены, стали беззвучно растворяться ворота. Кораблик воспрянул и устремился, набирая ход, в открывшийся просвет, за которым расстилался солнечный день. Выскользнув из теснины, он разбежался по речной глади и шири, а я отдышался и огляделся окрест. Несомненно, все это очень походило на инициацию, и следующие несколько часов подтвердили мою догадку.

Дым из заводских труб оставленного города смешивался с белоснежной плотью кучевых облаков, и могло показаться, словно это

трубы выдували гряды облаков, обступавшие реку с двух сторон. С каждым часом они росли в высоту, отрываясь от линии горизонта, и постепенно заняли половину небосклона. Кажется, более красивого облачного неба я не видел еще никогда, хотя представлений небесного театра повидал на своем веку немало. Наверное, дело было еще и в огромном зеркале великой реки, разлившейся в этом месте, будто море в штиль. Поднявшийся встречный ветерок, усиленный движением разбежавшегося кораблика, вскоре согнал с верхней палубы всех, кроме меня и немногословного художника, путешествовавшего с женой, детской писательницей. Так что дурацкие разговоры уже не могли помешать полноте созерцания. Вся братия переместилась в кают-компанию, где они азартно принялись постигать секреты русского преферанса под руководством питерского картежника, который по договоренности с организаторами поездки обязался провести международный турнир на борту по пути в Одессу. Бог в помощь. А тем временем ренессансное небо кисти Микеланджело растянулось от горизонта до горизонта, клубясь и меняя очертания, отражаясь в реке и своим невыносимым совершенством приближаясь к чертежам белобородого Саваофа — его эскизам и плану мироздания. Невозможно ни описать, ни забыть, что это такое... Впрочем, бакланам на каменных насыпях с вешками посреди реки не было никакого дела до того, что творится над их головами. Похоже, это только я так раскис по мере приближения к местам своего появления на свет.

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Никополь остался где-то далеко в стороне, покуда я паялился на небо, а в Каховке нас подобрал автобус и отвез в Херсон, куда к тому времени прибыло и наше судно, пройдя налегке через несколько шлюзов. И здесь повествование накрывает тень гения этих мест — светлейшего князя Потемкина (экий оксюморон) — Таврического. Участники экспедиции взошли на борт «литпарохода» на одном причале херсонской пристани и медленно выпили и закусили, чтобы через

какую-то сотню метров высадиться на другом ее причале, где нас уже заждались построенные красивым каре курсанты мореходки в белых перчатках, любопытствующая публика с фотоаппаратами и местное чиновничество, с хлебом-солью и громкой музыкой. Сказаны были прочувствованные слова, после чего площадь быстро опустела, а гостей отвезли и поселили в гостинице «Затерянный мир» неподалеку от причала.

Эта вполне пристойная гостиница отчасти оправдывала свое название. Глухая вычурная стена фасада явно проектировалась с оглядкой на Гауди, а вход в здание из внутреннего дворика типа патио, по двум лестницам с переходами между ними, напоминал уже головоломок Эшера. При отсутствии лифта на моем последнем этаже в холле обнаружился еще какой-то бруствер, через который приходилось перелезать, а у переводчицы на первом — неожиданно трехкомнатный люкс с пальмой, антикварным торшером и чучелом совы, что кого хочешь способно смутить. Украина, короче, и Херсон.

Это именно здесь Потемкин вынашивал свой «греческий проект» — с захватом Константинополя и геополитическим реформатированием империи. При нем здесь была построена крепость и возведен храм в честь небесной покровительницы Екатерины Великой, в котором он и был похоронен, а вот проект князя зачах и был сведен к усмирению и присоединению Тавриды, вытеснению Порты из северного Причерноморья и хозяйственному освоению Новороссии. От крепости остались только ворота, остатки скрытых земляных валов да высохший и зарешеченный громадный колодец, чтобы выдерживать осаду и остужать пушки. Теперь здесь тенистый Комсомольский парк — со старыми акациями, каштанами и тополями, одуванчиками размером с кулак, действующим фонтаном в сотню струй, рестораном и двумя ярко раскрашенными гренадерами в натуральную величину на газоне под деревьями. Правда, вандалы одному отбили кисть руки, другому — сломали палаш.

Здесь все же ощущается близость моря. Оживленное судоходство, работающие краны и верфи и несколько масштабных позд-

несоветских построек придают тонус этому южному городу, в общем-то, низкорослому и довольно облупленному. И есть в нем какой-то домашний неторопливый шарм, какие-то элементы ретро, местами даже дореволюционного, еще до семнадцатого года. Удивительное дело — большинство людей, с которыми я разговаривал в Херсоне и даже в несравненно более захудалой Каховке, искренне любят места своего обитания и вовсе не настроены их покидать или променять на другие. Они убеждены, что помехой полноте их счастья является лишь недостаток в деньгах да подлое дурачье-начальство. Возможно, все дело в климате, и юг как таковой делает людей более расположенными к переживанию счастья, чем то наблюдается по мере продвижения на север и в глубь суши. Отнюдь не исключено.

Из Херсона мы сделали две вылазки. По суше в Новую Каховку — встретиться с читателями, местными писателями и городской администрацией в ДК на берегу реки, а также познакомиться с коньяками местного производства на заводе «Таврия». В продаже эти коньяки появились только в годы «перестройки» и поначалу были превосходного качества. Как оказалось, винно-коньячное производство в Каховке основали еще в конце XIX века франкофонные швейцарцы, а никакой не новосветский князь Голицын. Перед тем они наладили производство легких сухих вин в Шабо под Одессой (даже сегодня тамошнее белое «Шабское», типа «Шабли», и густое красное «Саперави» — из завезенной ими грузинской лозы весьма недурны в летнюю жару), но их виноградники поразила филлоксеры. Тогда-то один из них и обнаружил под Каховкой небольшую пустыню, — как уверяют, единственную в Европе, — где филлоксере жизни нет, и перетянул туда часть своих земляков из Шабо. История долгая и путаная, да и солнца многовато, виноград сладковат, и сегодня в Каховке делают в основном полусухие вина и сортов двадцать коньяка во все более одекolonного вида флаконах. Те, что подороже, вполне приличны — во всяком случае, на заводе. В винных погребах мне приходилось бывать не раз, но закупоренные дубовые бочки с сотнями тонн коньяка источали такой тя-

желый, резкий и дурманный запах, что можно было окосеть, не сходя с места, даже не пригубив их содержимого. Надо сказать, что продукция подобных заводов в наших условиях почти на сто процентов зависит от одного человека — главного технолога, от таланта и знаний винодела, если они есть. Ведь год на год не приходится, как известно, и виноград винограду рознь. Здесь это была симпатичная немолодая «хохлуша», за двадцать лет работы так и не утратившая любопытства к своему делу. Кустарное производство, в хорошем смысле этого слова. Как и литература, в прежнем смысле этого слова, имевшая когда-то высокий градус и узнаваемый вкус.

Вторая вылазка была вниз по реке на Голую Пристань — нечто вроде зоны отдыха на реке для херсонцев и гостей города. Вся набережная этой похожей на дачную местности была заставлена всевозможного вида и калибра поделками херсонских скульпторов, что придавало ей химерический характер помеси детсада с дурдомом. Самой смешной и бесспорно талантливой была грубо карикатурная троица босых запорожских козаков, в приспущенных штанах с оттопыренной мотней, якобы засмотревшихся на купание русалок в здешних плавнях. Готовность и умение посмеяться над собой — сильная сторона украинского духа. Впрочем, не без вызова и самолюбования, как и в еврейских анекдотах.

Запомнилось, как по убитой Каховке носились и визжали малыши — выпускной в детсадах. Смотрю это на своем видео, где самое убедительное — это «грязный звук», но запись здесь обрывается, сели батарейки. Девочки все с прическами и в расфуфыренных платьях принцесс, мальчики — в костюмчиках — за ними вдогонку, пытаются огреть девчонок какими-то непослушными надувными колбасами. Выбоины, пыль, ни родителей, ни педофилов — вольница!

Такая же и у меня была здесь более полувека назад. Но тогда в одних только застиранных сатиновых трусиках, *«маечках и сандалетах, на головах — резиновые прокладки от молочных бидонов, руки держат руль, из губ вырываются выхлопные газы («У тебя вырастут губы как у коня!») — кричала тетя) — мы гасали по ули-*

цам приднепровских городков. В крови тех годов был привкус машинного масла, не изжитая временем зависть доставалась нам по наследству. Мы хотели быть машинами, не какими-то, а самосвалами. Отец Леньки – друга моего – и Тольки был шофером самосвала. Было чему завидовать, когда он сажал Тольку на колени, за руль, и в шумном гваре детворы самосвал заводился, рычал и начинал ползти по пыльной выжженной улочке».

Это из «Диглоссии», когда мне было двадцать семь. Было еще несколько попыток. Но и в свои шестьдесят на борту «литпарохода» не удается мне рассечь этот чертов узел, – связать оборванные нити или взломать схватившийся лед, – чтобы войти в ту же реку. Ахиллу никогда не догнать черепаху. Этот край, простояв двадцать лет на одной ноге, отстал от остального мира уже лет на сорок. Что же касается моего детского мира, то его давно смыла без следа и унесла река, и он растворился в водах забвения. Остались от него только запах речной воды, кучевые облака на небе и какие-то слова.

Как и собирался, улетал я из Николаева, добравшись за сто километров на такси, гононар участника экспедиции позволял. Здешний аэропорт также находился при последнем издыхании – два регулярных рейса в день: на Москву и на Стамбул, вымершее здание, признаки жизни только в зале вылета на втором этаже, имитация досмотра, карикатурный ларек «дьюти-фри», туалет с сорванной дверью.

...Должен признаться, что в самих этих местах рождения мое сердце постыдно и тупо молчало, будто его подменили. У меня имелся багаж глубинных и давно потускневших ранних воспоминаний – и была идея. В чем она состоит, не так-то легко сказать.

Два человека определяют ее, они даже могли встречаться. Это мой отец, в свои двадцать пять работавший главным инженером на стройках будущего Каховского моря – дамб, пристаней и жилья в Херсоне, Новой

Каховке и Николаеполе. И это шестидесятилетний режиссер тогда Александр Довженко, собиравшийся снять кинофильм «Поэма о море» – об эпохальном затоплении земель юга Украины, Великого Луга. От его замысла остались только рабочие «каховские дневники» – от начала строительства и до собственно затопления.

Рукотворное Каховское море ископаемый соцреалист Олесь Гончар лет через пятнадцать отважно высек в своем романе «Собор», изъятом из библиотек. Еще позже – на совершенно другом материале и совершенно другого литературного качества – вышло горестное «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина. Но ничего более точного и пронзительного, нежели записки состарившегося и растерянного корифея мирового кинематографа Сашка Довженки о будничной и теневой стороне титанических усилий, я не читал. В них столько скрытого драматизма чистой пробы, что они сто́ят так и не снятого им фильма².

Своего отца тогда я почти не видел. Он приносил мне из речного карьера черепашек в спичечных коробках и заставлял выпускать их перед сном в наш голый сад – конечно, утром их было уже не найти.

То есть, находясь в одном и том же месте, мы – утопист, сталинист и анархист – абсолютно по-разному воспринимали всё вокруг, словно лебедь, щука и рак. Для полноты картины этой реки, текущей внутри державинской «реки времен», мне недостает, если угодно, цветной тени. И я нахожу ее у Довженки.

Примечание

¹ Екатеринослав был переименован в 1926 г. в честь «украинского старосты» Г.И. Петровского (Ред.).

² После смерти А. Довженко его вдова, актриса Юлия Солнцева, вместе с киногруппой, созданной режиссером, осуществила постановку фильма «Поэма о море» (1958). Посмертно и режиссер, и его фильм были удивлены в 1959 г. Ленинской премии (Прим. ред.).

ИЗ КАХОВСКИХ «ДНЕВНИКОВ» АЛЕКСАНДРА ДОВЖЕНКО

1952

11 IX. Подумать надо сейчас же — пока не до конца испортили — и о Новой Каховке. В ней прошлое не материализовано ни в памятниках старины, ни в исторических зданиях. А у нее, у Старой Каховки, есть прошлое историческое, политическое. Так что хотя бы некоторые здания надо строить, представляя себя в будущем. Хотя бы три дома следует возвести высокие, из прекрасного материала, чтобы перебить новоявленный провинциальный масштаб, стиль... Попрошу сегодня А. не крыть тяжелой кровлей Дом культуры, а оставить плоскую. Тем самым мы получаем третий этаж — площадку, единственное место, откуда молодежь увидит все свои сооружения.

13 IX. ПОДВОРЬЕ В БРИТАНАХ. Возле хлева лежали три больших бревна. На этих бревнах (собственно, возле них) люди после работы умывались, переодевались в чистую одежду и, поужинав, садились на бревнах лицом к Днепру. С высокого берега перед ними раскрывался величественный, торжественный вид. Козацкий остров, служивший некогда кладбищем, где в старину были похоронены тысячи запорожцев. Остров покрыт лесом. Широкий и могучий Днепр, приняв в свое ложе все реки, тихо-тихо несет свои воды в просторных каменных берегах к морю. Описать небо глубокое и безбрежность просторов, открывающихся перед взором человека. Цвет неба на закате солнца и после заката, когда начинается свою симфонию южная степная украинская ночь, когда высыпают звезды на темном небе. И луна. И долго-долго еще за полночь на земле и в воздухе тепло и сухо, и столько разлито неги и здоровья, что их, казалось, хватит на весь мир. А когда оглянешься от днепровских просторов назад, — видишь, как словно бы под оксамитовым шатром грецкого ореха белеет хата с темными окнами и все спит.

Как прекрасно жить над большой водой! Можно любить моря, океаны, можно мечтать о них, но нельзя ничего на свете так любить,

как большую речку, большую свою воду, которая непрестанно течет вдоль родных берегов. И берега смотрят в воду и насмотреться не могут.

...Ныне Днепр постарел, а народ вырос и находится в возрасте полного мужества.

18 IX. КАК ПОКИДАТЬ ХАТУ. Можно оставлять ее весело, уйдя прочь с пустым сердцем. Можно плюнуть на ее убогие окна и стреху старую и, повернувшись лицом к кинохроникерам, бодро улыбнуться, направляясь легким шагом к счастливой зажиточной жизни. Можно и вообще не покидать хаты, а, притворившись неверующим в то, что вода может затопить твою хату навеки всю как есть — с трубой, и с грушей, и с шелковицей, и орехом, — сидеть и смешить людей до тех пор, пока не придет наконец вода. Но можно и плакать, покидая старую свою хату. А старенькая мать может тихонько целовать печь, возле которой трудилась она полстолетия, и косяки, и двери, и даже стены, и, плача, тихо-тихо приговаривать: «Ох, хатушка, моя голубушка, покидаю тебя. Пойдешь ты на дно моря, покроют тебя воды навеки, а я пойду себе на гору высокую и уже с горы буду смотреть на ту воду до самой смерти, вспоминая тебя. Спасибо тебе, что грела нас, что давала нам приют и сон, и отцам и дедам нашим. И могилы их покидаю я, хатушка моя. Так суждено мне новой судьбой моей. Прощай».

21–23 IX. ПРО ПЛАВНИ «ВЕЛИКИЙ ЛУГ». Следовало бы уже начать создание серии больших пейзажей с теми хотя бы селами, которые навеки уйдут под воду огромного водохранилища. Чтобы в новых селах, которые вырастут у водохранилища, люди будущего знали, как было в старину и какой вид имели старые села, где веками жили их деды, прадеды и прапрадеды...

Я попытаюсь поднять вопрос о строительстве памятника русскому князю-витазю Святославу, погибшему в битве с печенегами в 911 или 912 году. Памятник должен быть

большим. На коне с мечом в глубокой задумчивости. Это, так сказать, будет памятник нашему тысячелетию над Днепром. Он пал в битве, не посрамив земли Русской, памятуя, что мертвые сраму не имут. И мы вспоминали его бессмертные слова во время Великой Отечественной войны. Вот такой счет времени следовало бы вести нам, строителям коммунизма, на великой славянской реке. Это был бы памятник глубокого всенационального нашего славянского содержания, в котором было бы все: политика, история, поэзия времени, и мудрость, и героísmo.

Второй памятник, который я воздвиг бы в Запорожье, это памятник Богдану Хмельницкому. Отсюда начинал он великий исторический свой подвиг воссоединения Украины и Руси.

В ознаменование трехсотлетия поставить его тоже на коне где-то у входа в шлюзы. Мне кажется, что такой памятник возле Запорожской ГЭС намного увеличил бы и без того величественное впечатление от ГЭС. Еще больше подчеркнул бы он в историческом аспекте славу нашей великой эпохи.

...В Каховке Старой над Днепром следует поставить исторический памятник-монумент: Фрунзе, Буденный и Котовский — три конные фигуры рядом, как у Васнецова. Посмотрим на них с 2200 года. Запорожье — Каховка. Две плотины и электростанция, каналы, водохранилища, и над ними на берегах — всадники, знамена тысячелетий...

25 IX. Только великие цели рождают великие характеры...

Я снова над будущей плотинкой один. Мне лучше ходить одному. Снова вслушиваюсь в симфонию трудовой музыки, которую доносит до меня ветер: удары каких-то молотов в далеких словно бы кузницах; глухой шум пульпы черного фонтана. Ветер еще теплый и небо чисто. Справа перед собой я вижу дно будущего Каховского моря. Веселое и прекрасное это дно. По Великому Лугу тут и там стоят одинокие круглые вербы. Они раскинулись на огромном просторе, и где-то далеко-далеко на высоких берегах, словно стайки голубей, белеют села. Рокочут моторы на разные лады, трещат-погромыхивают перфораторы... Что-то нездоровится мне. Нет силы,

огромная боль сжимает мое сердце.

Есть новая великая красота в динамическом вмешательстве человеческого коллектива в природу. Уже не любитель, не эстет, не дачник, и не горемычный хлебороб — высокообразованный и технически вооруженный коллектив пришел на землю, хозяин земли и ее умный врачеватель — коммунист. Наиболее оптимистический пейзаж современности — пейзаж с людьми и новейшими нашими машинами. Должен скоро родиться новый Гоголь, певец нового Днепра.

Куда не посмотрю здесь, в Каховке, — все люди всюду моложе меня. Повечерел мой день. Недаром я так сильно устаю...

4 X. Скоро Днепр получит великое коммунистическое образование и, перестав уже быть рекой, разольется на счастье людям плавным разливом без меры в длину, без конца в ширину и будет виден вдаль, действительно, настолько, насколько может видеть человеческое око. Тогда уже и я навеки почию где-то на новом его высоком берегу.

5 X. Ревет и стонет Днепр широкий... Я самый старый человек на берегу великой реки моего народа. Белыми цветами зацвела моя голова, и почему-то грустно мне и сердце болит. Что-то словно бы приплыло издалека — издалека — с родной Десны, самой дорогой реки моего детства, где я ходил когда-то босиком по белым чистым берегам, где пил ее мягкую полесскую воду. Давно, давно это было...

Становлюсь таким добрым, что уже птицы могут садиться на мою белую голову.

10 X, Никополь. Добирался на плохоньком виллисе. Сто тридцать километров показались за все пятьсот. С ног валюсь — так разбит дорогой.

Очаровательная набережная. Вероятно, другой такой красивой и нет на Днестре. Все пойдет под воду, и Никополь, чтобы тоже не утонуть, будет спасаться при помощи высокой дамбы и таким образом будет стоять ниже водохранилища. А расположенное рядом село Павловка (шестьсот дворов) все начисто пойдет под воду...

...Сцена заполнения Великого Луга водой может быть поистине потрясающей. Так ее нужно и делать. На огромных лесных просторах возникает море. Сколько воспоминаний

идет на дно. Сколько песен, могил прадедов, городов, лугов, рыбацких просторов и красоты старой природы.

...Довольно гармонии верб, камышей, уток и сомов! Нам нужно привести в гармоническое состояние солнце, воды и всю землю! Нужно их примирить.

...Скоро, скоро все это навеки скроется под водой. Исчезнет с лица земли Запорожский Великий Луг. Уже иная, новая красота будет волновать народные сердца и умы. И только в сказках будут рассказывать детям и внукам о красоте и величии всего того, что пошло под воду во имя всенародного прогресса, ибо так велела история нашего развития.

СЕЧЬ ЗАПОРОЖСКАЯ. Я на острове. Передо мной Запорожская Сечь, против Капулилки. Против могилы Сирка. Вербы, тополя, грушки, берест. Так, как дома. Речка Подпольная в песках, и Павлюк быстрый берег моет. Шелестят пожелтевшие листья, лодка плывет ко мне. Здесь когда-то была плотина, по которой ездили казаки. Сушатся большие неводы. Много гадюк и ужей. На месте Сечи кто-то вел раскопки, но что можно вырыть? Здесь, как и повсюду в окрестности, наши предки строились на песке. Материальная культура была деревянная и глиняная. Ленивы были к письму. Не строить, а разрушать чужие строения, не шить, а рвать кандалы вражеские судила им история. Ничего нет. Никаких следов. Только могила Сирка да несколько крестов каменных.

...Но так ли это? Всегда ли так было? Так было и всегда. Невольно тут вспоминаются старые времена, дореволюционные. Ни одному негодяю из так называемого украинского панства, и ни одному из потомков старшины или помещику — никому в голову, глупую и пустую, не пришла мысль поставить где-нибудь памятник в старых местах на память потомкам, материализовать свою мысль в камне или бронзе. Куда там! Не было ни мыслей, ни воспоминаний высоких, ни стремлений. Таковы были и последние предреволюционные и «революционные» кооператоры. Где-нибудь под копнами кашу варили и, напившись как следует, пели пьяными голоса-

ми «старокозацкие песни», сентиментально всхлипывая да вздыхая. «Славных прадедов великих правнуки-злодеи», чтоб вас земля не приняла. И чтоб вы погибли бесследно. И чтоб не осталось никакого следа от вашего никчемного бытия, от вялости и убожества, от жалких ваших вздыханий и проклятого молчания оборотней, как не оставили вы знаков памяти великой героической эпохи народа. «Ревет и стонет Днепр широкий...» уже триста лет, и на берегах его высоких не сооружено ни одного памятника...

В Покровке, где я пишу эти строки, тоже была Сечь. И церковь здесь стоит еще запорожская, пока не зальет ее водою. Здесь тоже никого уже не интересует старина. «Была когда-то. Да, да. Как же. Вон там и крест стоит куренного Кобиса». Посреди улицы стоит крест на памятной плите и, видать, здорово мешают шоферам... Слава богу, через два года исчезнет под водой. Исчезайте, куренной! Уж лучше ждать вам Страшного Суда, в который вы верили, взяв когда-то меч в свои нехитрые честные руки, лучше ждать вам его на дне моря живой воды, чем мешать кому-то в пыли. Ибо все равно никто, ни одна душа, ни одна рука девичья не возложит венка на ваш крест, ни барвинком не украсит его под какой-нибудь праздник. Нет у них праздника для вас. А может, и не было — такие мы...

15 X. ЗАТОПЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ЛУГА. Это должна быть одна из величественных сцен в фильме. Весна. Поднимаются воды. Исчезает Луг. Уже оставлены хаты, улицы утопают. Люди, взволнованные до предела, прощаются с многолетним, с тысячей лет былой жизни и видения видимого мира. Огромная эпическая драма, великая эпопея народа-творца. Мельницы прадедов уже в воде. Уже утонули вербы, под которыми целовались, прижимаясь друг к другу, молодые возлюбленные. Где песни слагали, проводили праздники. Где творилась история героики народа в старые времена.

Птицы летят из теплых краев. Кружатся тысячи птиц! Птицы в тревоге над водой.

— Бедные мои птичечки. Уже негде вам и сесть, нет уже у вас гнездышка. Куда же теперь понесете вы счастье?

— Где-нибудь да совыют. Довольно плакать и т. д.

А по засушливым степям, по вырытым огромным рекам-каналам начинает идти, начинает переливаться вода Днепровская. Это должен быть грандиозный фильм. Все, что есть во мне святого, весь опыт и талант, все мысли и время, и мечты и даже сны — все для него.

Создать произведение, достойное величия моего народа, — вот единая цель, единое содержание моей жизни. «Благослови мои, боже, нетвердые руки...»

17 X. СТАРИНА. Показывая старину где-то через наплывы в Каховке, рынок батраков, самый большой в России, о чем и Ленин писал, применить в этой сцене дикторский текст [со словами] Владимира Ильича.

Рынок рабов, среди которых был и мой, тогда еще молодой отец, Петро Довженко, этот рынок, где они продавались Фальцфейну, показать обязательно. Показать чумаков в степи, деда своего Семена Тарасовича, который ездил между Москвой и Крымом тридцать восемь лет. И непременно — лирника слепого, или бандуриста одного у самой дороги, и песню такую, чтобы плакали люди.

Владимир Ильич в произведении «Развитие капитализма в России» так писал о батраках, которые собирались здесь в Каховке:

«В Таврической губернии особенно выдается рабочий рынок в местечке Каховке, где прежде собиралось до 40 000 рабочих...».

Нанимались «от Николы до Покрова», сходились и расходились пешком. И вот идут домой трое по степи, среди них мой отец. Босые, торбы и свитки на плечах...

21 X. Г-ВЫ И ПР[ОЧИЕ] А-ЧИ. Есть и такие. Приезжают, суетятся. Надувают губы. Им не нравится. «Скучно. Серо. Неэффектно». «И чем больше присматриваешься, тем серее...» И т. д. Все эти подслеповатые выродки, лжеписатели, псевдокорреспонденты, всякая сволочь, псевдобригадиры, которых не следовало бы подпускать сюда на пистолетный выстрел.

Смотреть стыдно. Не могли получше приглядеться.

22-23 X. И рокочущий трепет вибраторов земснарядов, непреклонный грохот. Я слушаю его, как музыку. Земснаряды — гениальные машины эпохи, абсолютно лишённые всякой артистичности, — гиганты.

...Если бы кто-нибудь спросил меня, какую музыку люблю я из таких музык, я бы ответил совершенно откровенно: никакой симфонии, ничего я так не люблю, как земснарядов непреклонный грохот. Металл и вода там показывают свою силу, и все шумы моторов и ветра, и стон в проводах высоковольтных, и тремоло речных трамваев на Днепре. Лязг гусениц, и скрежет стали, и гул неутомимых самосвалов.

Не знаю, что со мной будет дальше. Здесь изменится все через три года, таким неузнаваемым мы сделаем весь этот край, что и сами изменимся, как этот Днепр. И уже если тогда действительно можно будет сказать, редкая птица долетит до середины Днепра, получившего из наших рук высшее образование: такие мы будем. Пройдет немного лет. Волга и Днепр перестанут быть реками — кончилась эра их анахронического бытия.

И природа, облагороженная нами, очищенная от случайностей божьего хаоса и зарослей диких, преображенная творчеством, предстанет перед народами мира в такой новой красоте, в какой предстал сегодня перед миром великий советский человек, творец жизни, поборник мира на земле.

1954

15 X, Н[овая] Каховка. Был я счастлив целый месяц. Но только трудно мне. Огромные скопища дум не дают мне покоя ни днем, ни ночью, и давление крови обессиливает меня и заставляет порой задумываться — долго ли я проработаю, или уже пришла пора складывать оружие.

Я мыслил образами, потому что я художник. Это было творчество радостное, легкое и, казалось, бездонное. У меня была крылатая душа, и ум, и сердце. Все гармонично сочеталось во мне, и творчество мое радовало людей. И сам я радовал людей своим видом и характером.

Шли годы. И все чаще и чаще стало мне казаться, что я уже не тот. Мышление обра-

зами стало покидать меня. Из крыльев моих словно ветром вырвало перья.

Я стал мыслить идеями, потому что мне уже точно, документально известно, на какой год в моих чувствах приходится создание моего Евгения Онегина, моего Тараса Бульбы, моего запланированного Короля Лира.

7 XI. Очень рад, что на заседании Президиума Академии архитектуры... приняты мои запорожские «чайки» на вводных воротах шлюза Каховской ГЭС.

1955

22 V. Как я почему-то и предполагал, здесь, в Каховке, есть что-то не до конца ясное, что-то такое, что не дает покоя некоторым инженерам. Глухие слухи давно уже шли о берегах, о том, что где-то под землей «есть другой Днепр», что в некоторых степных колодцах находят днепровскую рыбу, что подчас весной или летом из колодца «тянет сквозняк», что-то словно бы дует с глубины и т. п. Говорилось также в народе, что колодезные воды очень точно реагируют на уровень воды в Днепре.

...Что будет теперь, увидим. Возможно, здесь много горьких неожиданностей. Возможно, вода пойдет под степью. Может заполнить поды, может поднять снизу соль и засолить степи. Может водоем не наполняться долго от такой большой утечки воды. Быть может, придется делать еще дорогие и трудные бетонные барьеры в степях на большую глубину — почти никто ничего не знает.

...Прошло пять лет великого труда народа, великих событий на укрепление мира. Стоит плотина, новый город, перенесены села, лес вырублен. Подготовлено огромное дно водоема-моря. Дай боже, чтобы все это было не зря. Чтобы создалось море и все произошло так, как об этом мечтал трудовой народ.

24 V, вторник. Вчера вечером пускали воду в котлован шлюза. Был дождь, ветер, холод. Грязь непролазная. Снимать было неудобно и неинтересно. Не было «масштаба», к которому так привыкли кинооператоры.

Народу собралось множество. И конечно, почти все руководство... Внешний вид наших строителей, если так можно выразиться, не

очень живописный. Заметны следы материальных недостатков. Некоторые просто худы. Видно, что в этом году в здешних столовых было туговато.

31 V. Состоялось затопление главного котлована Каховской плотины. Произошло это 31 мая в 6 час. вечера. В нижнем котловане провели митинг. Было много народа, много знамен. Стояли грузовые машины с народом. Множество рабочих наверху, где-то на плотине. Картина веселая и торжественная.

Затем поехали мы на верхний котлован, где был подготовлен бульдозерами весьма обширный проран. Когда вода начала прорываться к верхнему котловану, рабочий народ так обрадовался, что начал кричать «ура!» и аплодировать воде, как артисту. Настроение было чудесное, приподнятое. Вечером встреча штаба за столом. Потом поехали на котлован и увидели диво: он весь был в воде. Вода прорвала проран и затопила два котлована — верхний и нижний — за два часа.

Ночь была необычайная: тревожная, торжественная и веселая.

1956

27 VII, Запорожье. Волею судеб я снова в Запорожье. Сделал от Кременчуга около 350 км по очень тяжелой дороге. Невеселая предстала перед моими глазами Украина. Города бедные, убогие. Чигирин, Ново-Георгиевск, Кременчуг, Днепродзержинск, Днепропетровск — пылица, выбоины, дороги плохие, люди серые, озабоченные, усталые.

Уже в самом деле дорого платит мой современник за привилегии великой эпохи. И повсюду на всем великая безвкусица. Что видел красивое? Несколько хат. На нескольких простых крестьянских хатах видно больше тонкости художественного вкуса, чем на всем Крещатике. И прекрасно новое Запорожье. Есть в нем не только уже что-то родное, новое наше, но прекрасное новое. Есть уже новая эстетика в планировании, архитектуре, и умение пользоваться зеленью. Величественна плотина Днепрогэса. А какие тополя выросли над плотинной и шлюзовыми камерами, где я когда-то, в 31 году, лазал, снимая «Ивана»! Все это сделано нашими руками, очень

выросло, я не могу думать об этом без волнения — все на моих глазах. Много я прожил уже, много... Завтра утром еду в Покровское и Каховку «вдогонку за судьбой».

28 VII, Запорожье. Утро. Проснулся в 7 час. Дважды приснился странный сон: будто Ленин меня обнимал и целовал. Целовал меня в лоб, глаза и говорил какие-то хорошие слова. И я полон благодарности и высокого волнения, растроганный до предела, целовал его в щеки и чело и благодарил дорогого бесценного человека. Так и проснулся. Потом сон повторился. Очевидно, будет мне трудно.

Внести предложение Украинской Академии архитектуры и строительства сделать большой альбом цветных фотографий разных украинских хат, сараев, летних печей. Это имело бы большой смысл. Никто ведь ничего не видит и не понимает. Есть много хат исключительной красоты. Удивляюсь и радуюсь: сколько в народе живет еще хорошего вкуса.

Народная крестьянская архитектура, на мой взгляд, в полной мере может служить основой для украинского стиля в архитектуре. Но он не создан, потому что брались за это дело некультурные, неодаренные люди. Не зная, что и как синтезировать, они ударились в церковщину и на этом потерпели фиаско.

28 VII, Каховка, 20 часов. В Никополе, взойдя на дамбу, я увидел море — наше новое, советское бескрайнее море, ярко-голубое. Впечатление огромное. Это было настоящее море. Что-то кричащее, неожиданное, драматическое и что-то в самом деле величественное. Видимо, мне нужно было стоять одному и долго молчать, вслушиваясь в шум морских волн и голос своего сердца.

...И случилось почему-то сразу же так, будто большинство хаток и сарайчиков, убогих, с убогими соломенными прохудившимися

крышами, стало ненужным. Создалась дисгармония. Кричащая, если кто понимает природу и место человека на земле. Старенькая женщина идет к морю. Волна подмывает берег, шумит.

— Ну как вы тут? — Я хочу спросить ее о море.

— Вот так, как видите. Шумит, ревет изо дня в день... Ой, ой, ой... Если бы кто-нибудь сказал мне лет пять назад, что плавни вот так погибнут, я бы глаза выцарапала, не поверила. А теперь вот... — женщина печально посмотрела на волны и пошла своей дорогой.

Хата, руина, еще хата, подмытая волной, уже треснула стена. Говорят, нужно будет еще перенести полтора ста дворов. Невеселые люди.

— А как же оно начиналось? — спросил я у парторга М.

— Началось в ноябре прошлого года, и вода стала подниматься. Вода стала подниматься, стали гады из плавней удирать — гадуки, ужи, пресмыкающиеся, лягушки, крысы — батальонами, тысячами, страшно было смотреть. А тут на берегу уже лед. Так на льду многие и замерзали, а многие и укрылись по дворам...

Я представил себе картину исчезновения плавней. И почему-то показалась она мне драматичной, невеселой...

Море требует новой эстетики. Оно само уже новая эстетика. Оно не принимает соломенной старой стрехи, убожества, серости. Непременно нужно поднять в печати проблему преобразования страны по периметру Каховского, Кременчугского, Днепродзержинского и Каневского морей.

11 X. Есть что-то глубокое в этом образовании моря, что-то похожее на историческую судьбу нашего народа. Расширяются берега, новые морские горизонты волнуют сердца строителей...

2013

